

Первой книгой, которую я прочитал у митрополита Вениамина (Федченкова) была «Божии люди». Именно после неё сразу и навсегда владыка стал для меня одним из самых любимых русских писателей. Как можно так просто, доступно и красиво рассказывать о сложнейших вещах, касающихся человеческой души – для меня и по сей день остаётся непостижимой загадкой. Творческое наследие митрополита Вениамина очень обширно. Тут и мемуары, и рассказы о подвижниках благочестия (например, книга «Из того мира»), и размышления о духовной жизни русского человека, и непосредственно толкования молитвы «Отче наш» (целую книгу написал владыка на эту тему – «Молитва Господня»), и богословские труды. Но о чём бы митрополит Вениамин не писал, произведения его пронизаны невероятной любовью к русскому человеку, к читателю. Оттого-то они так просты и доступны для понимания, оттого-то они так трогают сердце. Не премудрая заумь собрана в них, а простота и любовь. И то, и то может быть только от Бога.

Но тут необходимо отметить, что подавляющее большинство книг этого автора увидело свет только в последние два десятилетия. В большинстве своём владыка писал, находясь на покое и, что называется, в стол.

Теперь биография этого праведного служителя русскому народу широко известна. Но мне, в канун его юбилея, особенно хотелось бы поговорить об одной его книге.

1

Книгу «На рубеже двух эпох», написанную митрополитом Вениамином (Федченковым) (1880-1961), никак не хочется назвать мемуарами — так непринуждённо, естественно и откровенно она написана, так близко и понятно её содержание подготовленному верой, любящему своё отечество сердцу. И не вина владыки, что не вышла книга в свет тогда, когда писалась — в тяжёлую для России годину Великой Отечественной войны (1943 г.). Но всему свой час. И вот, бережно хранимая в библиотеке-

ке Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря (в этом монастыре на покое провёл владыка последние годы своей земной жизни) среди других бумаг митрополита рукопись, наконец, явилась книгой тем, кому и была предназначена.

Удивительна судьба человека, написавшего её. Родившись в семье дворовых людей, он с малых лет, когда отцу после 33-летней службы конторщиком в имении господ Боратынских было отказано в работе, познал нужду, недоедание, тяжёлый труд. Но любовь матери, её желание видеть своих детей образованными, достойными людьми превозмогли все преграды. В итоге из шестерых детей (и об этом не раз с гордостью упоминает митрополит Вениамин в своём труде) трое получили высшее образование, а ещё трое среднее техническое. Причём, пятеро закончили свои учебные заведения первыми учениками. Но об этом мы будем говорить ещё впереди. А первые главы книги: «Деревня» и «Школа, общество и церковь» посвящены описанию нелёгкого крестьянского быта и труда, вечной борьбы за хлеб насущный и за нравственное стояние в семье. Вот как об этом пишет автор:

«Какое общее впечатление осталось у меня от рассказов отца о крепостном праве?»

Казалось, нужно было бы ожидать от него грустных историй и трагических событий. Но должен сказать правду: за всю жизнь с ним я буквально не слышал ни одного осудительного слова о господах и всём крепостном строе... Даже наоборот, он иногда вспоминал о прошлом времени с одобрением.

— Что же, — бывало, скажет, — тогда народ был лучше, не то, что теперь, самовольники... Ну, по субботам, понятно, секали кое-кого на колючие... Да ведь поделом же!

...Может быть, и в самом деле мы теперь слишком стужаем тёмные краски далёкого прошлого, а в действительности всё было проще? И теперь ведь много нужды и горя в мире: и экономическая зависимость одних от других и вообще от всего строя жизни давит людей... Или уже данная многовековая, укрепившаяся привычка повиноваться, подчиняться, совсем мириться облегчала ему суровость жизни?».

И отвечая самому себе, митрополит Вениамин приходит к следующему выводу: «Затрудняюсь ответить решительно... Больше я склонен думать ... что наш народ есть народ-философ, народ-христианин, «христианин», крестьянин, как он сам прозвал себя. Никакой другой народ в мире не называл себя по вере, лишь русские».

В подтверждение этого вывода владыка приводит эпизод из своей жизни: «Моя мать в последний раз моего посещения семьи весной 1918 года, провожая меня из дома, между прочим сказала со слезами:

— Трудно нам жилось! Но одно лишь скажу: отец у нас был святой!

— Почему — святой?

— Уж очень терпелив был: во всю жизнь свою не роптал».

И в этом глубочайший смысл русского православного мировоззрения, характера, идеи. Народ-богоносец, святой народ. И то, что произошло с этим народом затем, может, в том и не его вовсе вина. Ведь предупредил апостол Павел: «Отцы! Не раздражайте чад своих!» (Еф.6,4; Кол.3,21). А ещё раньше царь Давид в псалме восклицал: «Когда гордится нечестивый, то возгорается нищий». (Пс.9,23) Митрополит Вениамин приводит и другой пример из Ветхого Завета: «Ровоам, сын Соломона, стал жестоко обращаться со своими подданными. Они взбунтовались, и отделились 10 колен израильских от Ровоама. Он собрал войнство, чтобы подавить эту революцию, но пришёл к нему пророк и сказал от имени Господа: «Не ходи и не воюй, ибо это — от Меня произошло!» Значит, Божье поущение или изволение. Иногда у людей (не святых) уже не хватает сил терпеть».

В заключение автор констатирует: «И я не тому дивлюсь, что бывали восстания крестьян, а нужно дивиться тому, что их было всё же очень мало... И это оттого, что народ наш был необычайно терпелив и кроток...

Крестоносец народ. Но потом начало исыскать и смирение, а с ним и сила терпения».

Но уже в следующей главе воспоминаний, рассуждая о состоянии Церкви, подготовке священников для служения, митрополит Вениамин приводит страшные в своём пророчестве слова профессора В.О. Ключевского, произнесённые относительно первой русской революции 1905 года: «Народ, вступивший на революционный путь, обманул своего царя, которому клялся... Наступает время, когда он обманет и Церковь, и всех тех, кто его считал «православным» и «богоносцем». Придёт пора, что он умело обманет, проведёт и социалистов, за которыми сначала пойдёт».

Владыка не хочет верить этим предсказаниям. Бойтся поверить в них. Но доживи он до наших дней и...

Опять этот «проклятый» вопрос: почему тогда всё произошло? И почему всё с точностью наоборот произошло теперь?

Вновь и вновь утверждая, что основы воспитания, образования, нравственности, патриотизма, религиозного чувства закладываются в семье (российское крестьянство, как это показано в воспоминаниях, было глубоко проникнуто, в силу сложившихся патриархальных традиций, этими чувствами), владыка никак не может ответить на вопрос, почему же эти, казалось, незыблемые, «глубинные» традиции так стремительно, так в одночасье рухнули. И даже гибель царской семьи была воспринята в стране довольно буднично и равнодушно.

Воспоминания своего детства у владыки светлы и радостны. Словесная ткань произведения, лишённая художественного изыска или нравоучительной назидательности, выразительно и точно передаёт главное — духовное состояние героя повествования и людей, его окружающих, а через это восприятие и всего многогранного мира окружающего их — природного, социального, политического. Книга написана необыкновенно добрым, ласковым и отзывчивым человеческим сердцем. Чего только стоят страницы, посвященные матери, столько сил и старания положившей, чтобы прокормить и обустроить свою семью, выучить детей. Но с какой любовью и теплотой пишет о ней сын. Вот его рассказ о первом своём посещении духовного училища.

«Так шли дожди... А время бежало. Тогда мать предлагает мне идти, хоть в дождь, пешком... И после обеда, когда облака поредели, пошли. Разумеется, оба босиком: обувь на палках, за спинами... Идём, идём... вдруг сгустилась туча, и нас поливает, как из ведра. Иной раз нагнёмся под высокую волнующуюся рожь, что, разве это поможет? Опять идём, идём. Дождь перестанет — сохнем. Так добрались до реки Вороны... Мать предложила обуться. Сошли мы к воде и начали мыть ноги от налипшей грязи. Вижу: у матери слёзы катятся.

— Бедный, бедный мой Ванюшка (меня прежде звали Иваном), с какой поры приходится тебе горя хлебать!

— Мама, — кричу я весело на всю реку, — зато протопопом буду!

И мне совсем не было печально: как с гуся вода, скатывалось детское горе...»

И опять не за себя страдает материнское сердце, а за родное чадо.

Прошёл первый год обучения. Мать делится с затаённой гордостью со знакомым. А тот страшит — посмотрим, мол, что дальше будет!

«Мать пришла расстроенная, в слезах.

— Ты же учишь, учишь там! — умоляла она меня...

Так и дошёл я первым до пятого класса семинарии». Всё это время, чтобы заплатить за учёбу детей, мать, сама не доедая и не досыпая, пешком, в любую погоду, таскала в Тамбов за десятки вёрст ведра с маслом».

«Да, подвижница житейская была наша мать», — заключает далее митрополит Вениамин.

Должен признаться, что пока я читал книгу владыки, то и сам сердечно полюбил эту кроткую и трудолюбивую женщину.

Но тут мне хочется немного отвлечься от повествования книги «На рубеже двух эпох» и вспомнить случай, описанный владыкой в книге «Из того мира». Когда он ещё только учился в семинарии, то для разрешения вопроса принять иноческий постриг, или нет, Иван с товарищем отправился на Валаам. Там монах переправил их на лодке на один из островков, в скит. И видят они, как пожилой монах полощет в воде какие-то свои тряпки. Заприметив гостей, он поднимается к семинаристам, и обращаясь к Ивану, говорит: «Пойдёмте владыка, я вас чаем напою». Смугились молодые люди. «Что вы, я ещё и не решил, принимать ли мне постриг». А монах всё своё – владыка да владыка. Вот когда уже была определена судьба «бедного Ванюшки».

Наступили революционные времена. Владыка тщетно пытается их осмыслить, соотносит с прежней крестьянской жизнью. Он пытается найти место либеральным идеям в народной душе, для этого приводя в общем-то объективные факты трудной крестьянской жизни — многодетство, безземелье, нужда. Особенно, если противопоставлять этому быт помещичий. Но стоит свести эти два класса в одном месте, в храме, и антагонизм вроде бы пропадает. Тогда в чём же причина? Почему началась смута, поджоги? И тут замечателен один случай. «Однажды летом после будничной вечерни вместе с самим отцом Николаем вышел из храма за ограду. Перед нами раскрывалась полукругом панорама на десяток вёрст. Вечер был прекрасный, тихий, ясный. И видим мы, как в разных местах за горизонтом поднимаются зловещие темно-багровые столбы дыма от пожарниц: это горели имения... Смутно было на душе, надвигалось с этим страшным дымом на нашу страну что-то грозное... Я не знал, что ответить себе на свои невесёлые думы. И вдруг пронеслись в голове слова Христовы: «Надежит всему этому быть!» (Мф.24,6)

Надежит... Неизбежно в путях истории человечества и Промысла Божия. И никто этого мирового процесса остановить не в силах, ибо «надежит».

— И что ты особенно этим терзаешься? Разве же ты управляешь миром? Если Бог, Который всем правит, на него и поможись.

И всякий делает своё дело. Довольно этого с тебя!»

В этом-то, по моему глубокому убеждению, и следует искать ответ, объяснение случившегося. И тогда остальные факты — встречи с людьми, выдающимися в своё время, их речи, поступки, мысли, оказываются, играют в истории уже не столь выдающуюся, а то и мелкую, ничтожную роль. Жаль только, выводов из случившегося мы традиционно не делаем, опыта для себя не извлекаем. А иначе разве бы мы пошли в теперешние «реформаторские» времена путём, уже однажды Россией отвергнутым как чуждый и неприемлемый. Вот что пишет по поводу столыпинской земельной реформы очевидец её проведения митрополит Вениамин: «Ему (Столыпину — В.С.) приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого «хуторского» хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение...» Но «спасать русский народ лишь буржуазным соблазном личной корысти было совсем неглубоко, — продолжает автор, — недуховно, негосударственно. Православный великорусский народ привык к общинному укладу жизни. И хутора в народе провалились».

Но нет, на исходе века, как и в его начале, мы вновь, разрушив крупные сельскохозяйственные предприятия (как когда-то помещичьи усадьбы), пытаемся создать класс собственников, крестьян-фермеров.

Вообще, сколько бы я ни читал книг (а прочитано уже немало — теоретических работ, посвященных этой теме, мемуаров и т.д.), я всё больше и больше осознаю, что мистический смысл происходящих революций непостижим, материалистическими воззрениями, бытовыми и социально-экономическими условиями необъясним. И если пытаться объяснить

происходящие общественные катаклизмы только этими материальными условиями, то непременно увидишь всю их несостоятельность, несвязанность условий и действий, чувств и поступков. Будто движет всем происходящим некая необратимая, неостановимая сила, некий РОК.

Любая революция — это болезнь духа. Плоть выступает здесь лишь составляющей общей болезни, констатацией её диагноза. Революция пытается совместить, спаять несовместимое — совесть и высшее беззаконие, достижение гуманистических идеалов через жестокость и насилие. И как итог — горят усадьбы, разворовывается, грабится чужая собственность, зверски, посреди улицы убиваются губернаторы, и толпы глумятся над своими пастырями. Причём гибнет, страдает всегда лучшее, совестливое достойные страны.

Трудно оспорить дальнейшие размышления владыки по поводу признания народом новой власти. Только мне кажется, что в признании большевиков большую роль сыграло не только то, что у них видели силу и решительность в достижении «соблазнительных» для народа целей, но и гражданская «усталость» обывателя от безвластия, а значит, и безвременья. Однако с дальнейшими «политическими» размышлениями митрополита Вениамина, с его оправданием Брестского мира, изъятия церковных ценностей, неприятием посланий патриарха Тихона и другими подобными мыслями согласиться трудно. Но сделаем здесь поправку на год (1943) написания воспоминаний. Тогда владыке ещё не были известны многие документы, опубликованные в нашей печати значительно позже.

2

Вторая половина воспоминаний митрополита Вениамина, так я условно, на две смысловые части разбил книгу «На рубеже двух эпох», как бы отделяя одну эпоху от другой, начинается с рассуждения о трёх революционных цветах — красном, чёрном, белом. И что-то меня в этих рассуждениях насторожило, недоброе предчувствие закралось в сердце. И чем дальше, тем всё больше и больше автор начинает выступать как довольно поверхностный политик. А как хотелось услышать о тех страшных для России временах глубоко осмысленное, духовное слово. (Слава Богу, что затем этот недостаток автор побеждает, отчего книга, конечно же, выиграла.) Ведь вот и он отмечает, что даже само название «Россия» с победой революции на десятилетия ушло из употребления. Что же тогда должно было твориться в соборной душе народа? С другой стороны, сопротивление, оказанное большевикам, дошло своей границей с юга до Орла (армия Деникина), с запада теснили поляки, у Петрограда власть принадлежала Юденичу, в Архангельске хозяйничали англичане с американцами. У большевиков оставалась лишь Москва с центром, «сердцевиной» страны. И, тем не менее, белое движение было разгромлено. Не видеть в этом мистический смысл произошедшего (а лишь экономические, политические, национальные предпосылки), к тому же лицу духовному, глубоко верующему, мне кажется невозможным. К тому же мною уже приводился пример из воспоминаний митрополита, где осознание не случайности происходящего у автора книги сомнений не вызывало. Упрекать же белое движение в национализме и империализме, наверно, можно. Но выстраивать всю концепцию своих выводов, главным образом, только на этом (умалчивая, какая именно национальная горсточка, благодаря революционным событиям, оказалась у власти, и как легко она отказывалась от кусков огромной страны, ей не принадлежавшей, её предками не созидавшейся, и её территории не наращивавшими) мне кажется делом поспешным и недалёковидным. И пусть затем «еврейский вопрос» ещё будет затронут митрополитом в главе «Белое движение», где автор утверждает, что эта тема трудна и неоднозначна в русской истории, но то, как сам он довольно поверхностно и облегчённо

подходит к размышлению о ней, вызывает сожаление и разочарование. Впрочем, специально этой теме посвящены две другие книги митрополита Вениамина: «Еврейский вопрос» и «Письма к еврейке». В рамках этой статьи мы на их разборе останавливаться не будем.

Вообще, события Гражданской войны в Крыму и на Украине вначале описаны довольно безпозиционно. И только начиная с личности генерала Врангеля, описание событий принимает более последовательный характер. Самой личности генерала посвящена отдельная глава, где автор, наконец, и определяет свою позицию, объясняя это вот как: «Одно было ясно: победим или не победим, но белую борьбу нужно довести до конца... И пусть этот конец оказался печальным, пусть белые даже не правы исторически, политически, социально. Но я почти не знаю таких белых, которые осуждали бы себя за участие в этом движении...»

Много было недостатков и даже пороков у нас, но всё же движение было патриотическим и героическим... Пусть мы были и сероваты, и нечисты, но идея движения, особенно в начале, была бела. Христиане мы плохие, христианство — прекрасно...

Я тоже не думал о конце или победах, как и другие, а шёл на голос совести и долга... Пусть это было даже практической ошибкой, но нравственно я поступил по совести. И мне тут не в чем каяться».

О своём пути в белое движение митрополит Вениамин пишет довольно откровенно и самокритично, обличая в себе и некое приспособленчество к рабочей власти, сочувственную пассивность добровольческому движению, свою «нейтральность», столь присущую в те времена русской интеллигенции. Но именно в этой главе мы полностью осознаём те причины, которые побудили многих русских людей встать под знамена белого движения, — голос совести!

Взгляд изнутри на белое движение показывает противоречивость и уязвимость его по многим вопросам: дальнейшего строительства государства, политического выбора, отношения к вере. И оттого его обречённость становится как бы предсказуемой, ожидаемой. Вот только один пример нравственного, этического плана, о котором рассказывает архиерей, к тому времени ставший епископом армии и флота (митрополит Вениамин сменил на этом посту, по желанию вновь избранного главнокомандующим П.Н. Врангеля, протопресвитера Г.И. Шавельского), после своей поездки на фронт, к знаменитому Перекопскому валу — полное неверие среди офицеров в Бога, матерщина, нравственная нечистоплотность. А ведь обращение Врангеля, его «политическая платформа», начиналось словами: «За что мы боремся? За поруганную веру и оскорбленные её святыни».

«Когда я вернулся с фронта, — вспоминает владыка, — то доложил нашему синоду, а потом и генералу Врангелю буквально так:

— Наша армия героична, но она некрещена! Вывод, в сущности, ужасный».

Глубочайшее разложение духа потрясло архиерея. Как говорил писатель Иван Александрович Родионов: «Чтобы победить большевиков, нужно одно из двух: или мы должны задавить их числом, или же духовно покорить своей святостью». У войск Врангеля не было ни того, ни другого.

Особняком стоят в книге воспоминания о проходившем в Москве в 1917 — 1918 годах Поместном соборе, первом с 1700 года, после закрытия их российским императором Петром I.

И вот какие чувства владели тогда автором: «Меняются эпохи, а Церковь стоит две тысячи лет! Уходят цари, а она всё остаётся! Меняются режимы и социальные формы, а здесь тысяча лет, две тысячи ведётся одинаковый способ служения. Да, Церковь прочнее государственных форм правления... И Церковь всегда будет делать своё вековечное дело до конца мира, у неё есть своё собственное дело — душа человеческая». И эти мысли митрополита очень важны для общего понимания его книги.

Главным деянием собора было избрание патриарха. 217 лет Русская Православная Церковь жила без выбора патриарха. Но именно в страшное и смутное время, предчувствуя ту беду, что готова была обрушиться на страну, а значит и на веру, не иначе как по Промыслу, пройдя все преграды, под пушечную канонаду Церковь выбирает своего предстоятеля.

«Мы настолько ясно чувствовали всю опасность и зло этой стороны революции, что у нас ещё сильнее обострилось желание твёрдой организации, упорядоченности. Это понятно. Нам хотелось власти!»

Чудом можно назвать и то, что именно революция (вольно или невольно — не нам судить), как увидим, во многом помогла этому процессу. Всё будто бы было движимо чьей-то непоколебимой волей, противостоять которой не мог никто. Мыслимо ли, что в это же время в Москве идут бои за Кремль, который поочерёдно переходит в руки то к одним, то к другим. Но никто из воюющих не смеет помешать работе собора.

«Взяв власть, большевики ни единым жестом не проявили враждебного отношения к Собору, хотя довольно было простого слова их для его роспуска. И, конечно, никто бы и пальцем не шевельнул в защиту его.

В день «интронизации» патриарха 21 ноября (ст. ст.) по просьбе Собора было дано нам совершенно исключительное разрешение совершить службу в кремлёвском Успенском соборе, хотя во все прочие дни для всех других Кремль был закрыт.

После интронизации Патриарх Тихон, по старинному русскому обычаю, объезжал вокруг Кремля, где приветствовал его народ».

То, что пишет митрополит Вениамин, кажется вдвойне невероятным ещё и потому, что пройдёт совсем немного времени и, как нам теперь уже известно, по попусению новая власть «всласть» отыграется на Церкви, предпримет титанические усилия по её разрушению и уничтожению. Но тем и удивительнее произошедшее чудо, доказывающее, что эти вопросы не во власти земных правителей.

«Живым силам Церкви теперь была дана возможность проявлять энергию на созидание веры, Церкви и охраны духовенства. А времена приходили страшные...»